

ПОЛИ(Э)МОТИВНОСТЬ НУЛЯ

А.А. Штеба

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии
e-mail: alexchteba@yandex.ru*

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Рассматривается проблема эмоционально-смысловой неограниченности и неопределенности семантики слова. Вариативность понятия нормы, которая может быть индивидуальной, групповой и пр., транспонируется на понятие нейтральной оценки. Постулируется тезис, который аргументируется примерами из художественного дискурса, о том, что нейтральная оценка лишена положительного или отрицательного оценочного компонентов только условно, поскольку внутри коммуникативной ситуации нейтральная оценка может актуализировать свой ингерентный амбивалентный эмоционально-смысловой потенциал. Показаны случаи изменения оценочного знака эмотивов в статусе коннотативов и аффективов на примере способов кодирования нецензурной лексики аудиовизуальными СМИ. Также затронута проблема соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций, когда даже положительный стимул может приводить к отрицательной реакции адресата в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации.

***Ключевые слова:** нейтральная оценка, амбивалентность, смешанные эмоции, эмотивность, лексическая семантика, эмоционально-смысловой потенциал.*

Эмоция является мотивационной основой сознания [Шаховский 2006], а любая деятельность, в том числе речевая, является эмоционально маркированной. Соответственно каждый конститутивный элемент речевой деятельности потенциально эмотивен, но оценочный знак, активность эмоции, стоящей за формой ее языковой номинации, дескрипции, экспликации, является неопределенной. Одна и та же деятельность может стимулироваться различными мотивами, одни и те же мотивы могут иметь отличное эмоциональное основание. Поэтому и нейтральная оценка на условной шкале эмотивности потенциально поливалентна, когда скрытая эмотивность нейтральной оценки может актуализироваться через валентностные связи нуля с узким и широким, к примеру, историческим, культурным, контекстом, коммуникативной ситуацией, говорящим и пр.

Постулирование безграничной эмоционально-смысловой природы любого знака соответствует актуальным представлениям о лексической семантике. Психолингвистический подход к объекту исследования подтверждает гипотетические положения лексической семантики о том, что смысловое содержание слова безгранично, эмоционально-смысловой потенциал лексической единицы неопределен и подвижен, поскольку

любая ассоциативная связь вероятна. Последнее обуславливает динамику лексического значения слова [Пищальникова 2020: 21]. Интерперсональная (конвенциональная) семантика может быть нескольких видов: к примеру, это словарное значение слова, доступное носителю/пользователю языка, контекстуальное значение слова, актуализируемое в коммуникативной ситуации. Постулируется тезис о том, что интерперсональная языковая форма используется индивидом для обозначения его субъективного актуального смысла [Герман, Пищальникова 1999: 7]. Использование интерперсональных средств коммуникации актуализирует интраперсональную семантику слова. Л.С. Выготский подчеркивал, что отношения между людьми суть сфера интерпсихического, а отношение внутри психики – интрапсихическое. Интрапсихическое формируется в ходе интериоризации системы интерпсихических отношений, при которой (интериоризации) человек «приручает» предмет, приспособливает его к своей собственной деятельности, соотносит с той или иной категорией [Журавлев 2021: 131].

Смысловое развитие слова не имеет ограничений как по причине континуальности смыслопорождения [Герман, Пищальникова 1999: 10], так и постоянного взаимодействия человека (актуализатора смысла) с внешней средой и средой, конструируемой самим человеком, частью которой выступают участники коммуникативной интеракции [Карданова-Бирюкова 2021: 11]. Указывается на неинтенциональный характер возможных смысловых приращений слова, т.к. система смыслов не является абсолютно осознанной для говорящего; последнее обнаруживает такое свойство системы, как ее неопределенность, что допускает случайность развития системы [Герман, Пищальникова 1999: 36]. Со сказанным соглашается Н.И. Степыкин, который указывает на динамичность смысла, благодаря которому в ассоциативном поле слова появляются новые смыслы, не зафиксированные в лексическом инварианте [Степыкин 2021: 27], способные «растягивать» значение слова (*semantic stretching*). Такие приращения семантики часто управляются механизмом последовательного ступенчатого абстрагирования, когда первичное (денотативное) означаемое слова может становиться означаемым для культурного содержания (ценностей, смыслов) [Алексеев 2022: 9], что ведет к появлению вторичного означаемого. В ходе речевого общения реципиент не столько получает информацию от отправителя, сколько конструирует ее заново из имеющихся у него собственных знаний, когда используемые в общении знаки выступают в функции «пускового толчка». Последнее обстоятельство приводит к тому, что адресат одновременно оперирует двумя смыслами: смысл для себя и смысл для говорящего [Тарасов, Головина 2019: 15]. Сказанное соотносится с высказанным В.А. Масловой положением о том, что любое слово представляет собой

генетическую программу, которая влияет как на жизнь одного человека, так и потомков – феномен «памяти слова» [Маслова 2021: 832].

Результаты проведенного Л.В. Русиновой анализа лексической репрезентации концепта «любовь» в современной российской прозе показал, что ядро и периферия данного ментального образования не только взаимодействуют, но и конфликтуют между собой. Закрепленные в ассоциативном слое современные представления о любви, отраженные в художественных произведениях современных авторов, сводятся к следующим: «интимное чувство», «половая любовь», «горячая сердечная склонность», «сила притяжения» и пр., что как конфронтирует, так и пародирует словарное значение лексической единицы. В образном слое концепт «любовь» предстает «не только как возвышенное чувство, обладающее духовным, божественным началом, но и как любовь реальная, порой греховная, без завуалирования ее плотского характера». Подтверждают сказанное эпитеты, характеризующие любовь: *безблагодатная, вспыхнувшая, греховная, массовая, невостробованная, осложненная, постельная, рвущаяся, унижительная* [Русинова 2012]. Любое слово суть амбивалентно, полиоценочно, его эмоционально-смысловое пространство не является определенным, поскольку эмоциональная оценка того или иного слова зависит от эмоционального решения говорящего, которое может опережать интеллектуальное [Пищальникова 2019: 145; Тогоева 2019]. На амбивалентность любви указывает И.А. Мощенко: на примере творчества Чжан Айлин показано, что при создании образа любви автор переходит от резкого отрицания романтической любви и привязанности, от постоянного, навязчивого употребления к описанию любви как ценностного и основополагающего чувства человеческих отношений. Главное в этих описаниях то, что любовь героев такая же несовершенная, как и они сами. Это любовь, спустившаяся с пьедестала «великой любви» и ставшая любовью земной и обыденной [Мощенко 2021].

На способность одних эмоциональных переживаний сочетаться с другими указывает, к примеру, Т.А. Завьялова [Завьялова 2014]. На материале анализа концепта «страх» цитируемому автору удалось показать, что страх рассматривается как материальное вещество (обладает глубиной, интенсивностью, способностью смешиваться, к примеру, с болью или надеждой). Е.Е. Стефанский выделяет такие виды страха, как *конкретный, иррациональный, надвигающийся страх* [Стефанский 2009: 15-16]. Эмоции радости, интереса и удовольствия сменяются эмоциональными состояниями тоски, страха, тревоги [Короткова 2017]. Указывается на необходимость изучения «комбинации эмоций, чувств, реакций», что позволит проанализировать авторскую эмоциональную концептосферу.

Отдельное внимание следует обратить на феномен смешанных эмоций, предполагающих формальное объединение в единое целое (кластер) нескольких номинаций эмоциональных переживаний (к примеру, любовь и ненависть; радость и восхищение и пр.). М.А. Варзаева отмечает, что феномен смешанных эмоций не получил подробного изучения в психологии. Говорить о механическом объединении нескольких эмоций внутри смешанной эмоции поспешно, так как необходимо разделять сложные эмоции (несколько простых эмоций составляют сложную) и смешанные (создание эмоционального нечеткого множества с неопределенной доминантой). Автор указывает, что понятие смешения сопровождается не только процессом объединения, но и дает возможность взаимопроникновения эмоций в «неоднозначное бимодальное эмоциональное состояние» [Варзаева 2010: 195]. Поскольку аналогичные смешанные эмоции могут отличаться интенсивностью [Варзаева 2012: 221], можно говорить о том, что любая номинация и/или дескрипция эмоции (т.е. любое слово как знак эмоции) потенциально характеризуется смешанным моно- или поливалентным характером. Например, в своем исследовании Д.А. Жгун выделяет признак актуализационной диффузии эмоционального состояния, когда лексическая номинация/дескрипция эмоции может перемещаться (флуктуировать) и переходить условную границу положительное/отрицательное [Жгун 2022: 7]. При рассмотрении смешанных эмоций автор указывает на то, что первичная оценка может сопровождаться появлением вторичной, когда данный процесс переоценки принципиально не ограничен. Как следствие, образуется смешанная эмоция, под которой понимается одновременное переживание нескольких одно- или разнопорядковых эмоциональных состояний. Отмечается множественность не только переживаемых эмоций, но и, соответственно, мотивов (эмоция – мотивационная основа сознания). Анализ примеров англоязычной прозы показал, что положительные эмоции, к примеру, любопытства и приятного возбуждения могут сопровождаться эмоциональным состоянием злости. Пересечение дальних периферий лексем любопытства, возбуждения и злости приводят к образованию новых эмоционально-оценочных обертонов (злость-любопытство, злость-волнение). При этом смешанная эмоция может быть не только амби-, но и моновалентной, что сопровождается интенсификацией оценки (ужас-шок) [Там же: 10–18].

Мы исходим из положения о том, что любая лексическая единица (характеризующаяся наличием генетической программы, связанной с ритмами Космоса по В.А. Масловой) должна рассматриваться как носитель безграничного эмоционально-смыслового потенциала, потенциально амбивалентная, полиоценочная сущность.

Соответственно нейтральное слово способно актуализировать ингерентную эмотивность в контексте:

Он напряженно вслушивался. Ни звука. В жизни своей не слышал он такого жуткого, гнетущего, гробового молчания. Никогда не думал, что смерть так убийственна (Р. Олдингтон, Смерть героя, с. 102).

В приведенном выше примере конвенционально нейтральная лексическая единица трансформируется в эмотив через сочетание с качественными прилагательными, что дополняется восходящей градацией. Интересно, что молчание выполняет широкий спектр функций, а субъектом агрессивной коммуникации оно может использоваться для демонстрации обиды, обвинения, игнорирования (собеседника), лишения права речи, вычеркивания из коммуникации, прекращения коммуникации, умаления значимости адресата вплоть до социального нуля, акцента на собственной значимости и значимости выполняемой работы и др. [Копылова 2022: 28]. Цитируемый автор указывает, что рассмотрение молчания как нулевого знака ошибочно, поскольку любой знак, в том числе нулевой, является текстом, при этом важным остается условие адекватной интерпретации адресатом [Там же: 32].

В романе «Ближайший родственник» П. Нилина представлен такой фрагмент:

Поговорить с сыном о работе он долго не решался. Да и занят был сын все время. Разговаривал Матвей Кузьмич чаще с Ольгой Михайловной. Он простил ей тот случай, когда она высказала свое нелестное мнение о его ведрах. Он приходил к ней на кухню, иногда помогал мыть посуду и, присев на табуретку, говорил, вздыхая: Вот, значит, какая тригонометрия! Нахожусь я, как тот суслик, в неволе. И ни дома, и ни в солдатах... (П. Нилин, Ближайший родственник, с. 43).

Нейтрально-оценочное слово *тригонометрия* в восклицательном предложении создает эффект недосказанности, но при этом указывает на значимость данного слова для выражения эмоций. Последующее пояснение в виде сравнения состояния персонажа с поведением «суслика в неволе» становится идентификатором выражаемых словом *тригонометрия* кластера эмоций (замешательство, растерянность).

Аллюзию на печенье «Маделен» в романе М. Пруста находим у Д. Фонкиноса:

Она вынула из кармана ПЕЦ, и ее волнение сразу передалось отцу. Эта штука вернула их в одно и то же лето. Его дочери вдруг стало восемь лет. Она подошла к отцу и тихо, деликатно положила голову ему на плечо. ПЕЦ – это была вся нежность прошлого и все то, что они растеряли с годами, не разом, а постепенно, незаметно. ПЕЦ – это время до несчастья, время, когда ее слабость сводилась к разбитой коленке. ПЕЦ – это ее мысль об отце, человеке, к которому она в детстве так любила бежать и, прыгнув к нему на шею, всем телом прижавшись к

нему, могла думать о будущем с бешеной уверенностью. Оба в изумлении рассматривали ПЕЦ, вобравший в себя все оттенки их жизни, ничтожную, смехотворную, но такую трогательную вещичку (Д. Фонкинос, Нежность, с. 19).

Здесь нейтральная лексическая единица превращается в эмотив, вбирает в себя впечатления, индуцирует разнооценочные переживания.

Следует отметить, что аффективы, которые, в соответствии с лингвистической типологией эмотивов [Шаховский 1987], характеризуются только наличием в семантике эмоционального компонента, также обладают контекстуально вариативным оценочным знаком. В данном контексте интересной представляется проблема использования нецензурной лексики в публичной речи, а именно запрет на ее употребление и способы кодирования обценной лексики. В постсоветскую эпоху распространение получила замена всех или второй и последующих букв на звездочки в письменном виде и «запикивание» в аудиовещании электронных СМИ [Усольцева 2017: 152]. В письменной речи купюра обозначается понятием обценникон или гроуликс (*grawlixe*), предложенным М. Уолкером и представляющим собой словостяжение от слов *draw* и *graphic* [Walker 1980; Bustillos 2013]. На уровне устной речи существует возможность использования мата в фильмах, представляемых на кинофестивалях [Копченко 2017: 57]. На радио, телевидении, кино для замены бранной речи «запикивание» (*bleep censor*) представляет собой тоновый сигнал с частотой примерно 1000 Гц (средняя частота голосов мужчин и женщин колеблется в пределах от 80 до 260 Гц). Дополнительно звуковой сигнал может сопровождаться частичным размыванием изображения лица говорящего, чтобы затруднить считывание закодированного слова по губам.

Стремительный рост популярности «альтернативных» источников информации, использующих аудиовизуальный канал передачи, привел к тому, что любой человек, в том числе не имеющий специального образования, может стать популярным и, как следствие, транслировать свой языковой стиль в массы. К примеру, в видеохостинге YouTube монетизация от просмотра видеороликов может быть заблокирована по причине использования нецензурной лексики.

Изначально, аффектив становится запретным и заменяется тоновым сигналом – знаком. Далее знак превращается в показатель аффектива и приравнивается к последнему, синонимизируется с аффективом (звуковой сигнал есть обобщение для любой обценной лексики в конкретной коммуникативной ситуации). Маскировочная функция остается только формальной, но план содержания остается ясным. Интерпретация звукового сигнала становится направленной, что приводит к последующей игре с маскировкой по принципу звукового парафраза, когда заменяется не лексический, а акустический состав текста. Однако принцип парафраза –

замена должна быть незаметной – нарушается, где парафраза превращается в травестирирование [Москвин 2007: 527, 768]. Последнее привело к тому, что к распространенным и популяризированным тоновым сигналам, заменяющим обсценную лексику, добавился широкий спектр приемов, позволяющих избежать или снизить ответственность за произнесенное слово. В частности, современные блогеры используют точечное понижение громкости сигнала (затухание звука), звуки голосов животных, ускоренное воспроизведение, которое приводит к неразборчивости сигнала и пр. При этом частотно сохраняются первая буква/слог и/или последний звук бранного слова, что упрощает процесс декодирования.

Сказанное иллюстрирует мену оценочного знака аффективов, когда исключительно отрицательная конвенциональная оценочность инвективной лексики нейтрализуется с помощью звукового сигнала, который, впоследствии, сам превращается в отрицательно оценочный аффектив. Иные способы выражения купюр в звучащей речи имеют эффект новизны и приобретают положительную оценочность, например, мяуканье кота как средство «запикивания» мата.

Данная двойственность (формальная забота об адресате и на уровне содержания – иронизация, травестирирование) указывают на имитационный потенциал тоновых сигналов. Подобным имитативно-деструктивным потенциалом обладает, к примеру, вежливость, которая в зависимости от частных коммуникативных условий может приобретать иной иллюкутивный потенциал. Реализация коммуникативной категории вежливости в ситуации конфликтного деструктивного общения может приводить к интенсификации конфликта, а не его митигации, поскольку вежливые речевые формулы рассматриваются внутри отрицательно-оценочной коммуникации как показатель над-становления говорящего относительно адресата, его ситуативное превосходство (использование внутри конфликтного дискурса элементов, соответствующих данной эмоциональной тональности, создает ситуативный паритет, а реализация элементов вежливого общения создает искусственный коммуникативный дисбаланс [Карасик 2018; Саакян, Северская 2019; Третьякова 2021]).

Взаимоотношение условных схем эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций в различных коммуникативных эмоциональных ситуациях является принципиально неопределенным, множественным (к примеру, отрицательно-оценочный стимул может как привести к отрицательно оценочной реакции, так и индуцировать реакцию с оценочным знаком '+'). Оценочная трансформация аффективов показана в следующих примерах, когда ненависть рассматривается как нечто ценное, значимое, индуцирует положительно оценочные состояния:

Он ненавидит этот город, эту жизнь, этих людей. Он любит свою ненависть – она придает ему отваги и сил, заставляет забыть об увечье (Ж. Амаду, Генералы песчаных карьеров, с. 74).

– Это заставило меня ненавидеть вас еще больше. Счастью нет места на войне.

– Очень жаль, – сказал я.

– Я вас так ненавижу, что стал вас изучать. Я слушал все, что вы говорили. Я никогда не пропускал ваших радиопередач, – сказал он (К. Воннегут, Мать Тьма, с. 190).

Подобная внутренняя эмоционально-смысловая амбивалентность выражается в оксюморонах, представляющих собой контекстуальное понятие, образованное путем сложения в единое двух слов с взаимоисключающей семантикой, предполагающее взаимопроникновение семантически полярных слов, что приводит к единству противоположных смыслов [Коробкина 2013: с. 3] и объективирует ингерентные свойства семантики:

Увидел ли он ее? Он и вправду сумасшедший? Понял ли он, кто это?

Они никогда не испытывали друг перед другом телесного стыда, но ведь они до сих пор не видели друг друга в возрасте, когда людям знаком стыд.

Теперь они видели друг друга. В возрасте.

В возрасте.

В бессмертном.

Забавно само по себе звучит: в возрасте, подумала Рахель и повторила мысленно: в возрасте (К. Рой, Бог мелочей, с. 244).

Бен клял свою победу-поражение (Р. де Са Морейра, Книжник, с. 106).

Норма может быть конвенциональной или надгрупповой, групповой и индивидуальной. Каждое из указанных понятий предполагает условное создание точки отсчета, с опорой на которую то или иное слово оценивается как положительно- или отрицательно-оценочное. Слово *замок* помещается на положительный полюс шкалы оценочности (направление от центра вправо), а *хибара* – на отрицательный полюс (от центра влево) относительно нейтральной лексической единицы *дом*. Данный подход является редуccionистским по причине своей однонаправленности, поскольку нейтральное слово в сопоставлении с отрицательно-оценочной лексической единицей воспринимается как положительно-оценочное и наоборот (ср.: *замок* > *дом*; *дом* > *хибара*).

Оценочность нуля можно исследовать в различных функционально-стилистических и дискурсивных формациях, когда нейтральная оценка может объясняться жанровой принадлежностью текста и является положительно-оценочной, поскольку любое отклонение от данной нормы вызывает отрицательные эмоции. В ситуации, к примеру, коммуникативного конфликта отсутствие ответной эмоционально-отрицательной реакции может оцениваться отрицательно – это

соотношение формы и содержания – когда формальная позитивизация общения приводит к интенсификации конфликта.

Рассмотрим следующий пример:

Я позволил ему отнести меня в мою комнату. У меня не было другого выхода. Он взял меня на руки, и впервые в жизни я не испытал удовольствия от его прикосновений, его пряного запаха, округлой ясности его лба. В эти мгновения мне передалась закрытость матери, ее особое умение держать дистанцию. Я много раз пародировал ее и в тот момент на ходу просто не мог придумать ничего другого. Если бы отец погладил мои усталые плечи, я бы сжался, если бы он вошел в дом, деловито обивая снег с ботинок, я бы в панике вспомнил о пригоревшем суфле из шпината.

Он уложил меня в постель, укрыл и довольно ласково попросил закрыть глаза. Ничего плохого он не делал. Но я не помня себя от ярости соскочил на пол и бросился к коробке с игрушками. У меня ломило в затылке и звенело в ушах, новые, неведомые чувства нахлынули на меня.

(М. Канинген, Дом на краю света, с. 302).

Интерес привлекает поливалентная эмотивная плотность данного текстового фрагмента. Здесь реализуется достаточно редкая схема соотношения эмотива-стимулов и эмотива-реакции, а именно положительно-оценочный стимул в форме выражаемой отцом доброты и снисходительности провоцирует отрицательно-оценочную реакцию сына. Вызвано это тем, что ребенок, став свидетелем ссоры отца с матерью, решил проявить заботу по отношению к отцу и пришел к нему в спальню, чтобы успокоить. Однако данное коммуникативное намерение не было адекватно декодировано отцом, что и стало причиной конфликта. В ситуациях конфликтного общения положительная или нейтральная реакция (которая ситуативно также является положительно-оценочной) на отрицательный стимул в форме прямого оскорбления может способствовать интенсификации отрицательной тональности общения. Подобный эффект от отсутствия адекватной (то есть ответного оскорбления) реакции расценивается, на наш взгляд, оппонентом как неприятие всерьез, неуважение и недооценка силы соперника, что и служит цели увеличения негативной плотности, а не митигации конфликта.

В ситуации конфликтного общения между влюбленными использование положительно-оценочного эмотива-реакции на эмотив-стимул с отрицательной оценкой может рассматриваться как прием регуляции эмотивной тональности общения. При этом в той же ситуации такого рода коммуникативное поведение может расцениваться собеседником как неуважение, нежелание соглашаться с претензиями оппонента и обращать на них внимание, что приведет не к регуляции тональности общения, то есть ее мене на положительную или снижение отрицательной, а к интенсификации конфликта. Здесь проблема

соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций получает новое развитие и значительное расширение комбинационных вариантов.

Любое слово обладает бесконечной эмоционально-смысловой составляющей. Расположение лексической единицы на условной шкале оценочности является условным, поскольку данный скрытый (ингерентный) потенциал актуализируется в зависимости от коммуникативной ситуации, намерений говорящего и прочих коммуникативных и ситуативных условий. Нейтральная оценка является таковой также условно, так как ее взаимодействие с положительной или отрицательной оценкой трансформирует оценочный знак.

Библиографический список

Алексеев А.В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2022. 35 с.

Варзаева М.А. Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В.А. Жуковского // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 218–221.

Варзаева М.А. Понятие «смешанные эмоции» в психологии и литературоведении // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». 2010. С. 191–200.

Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.

Жгун Д.А. Языковые средства передачи эмоционально-оценочных обертонов в художественном дискурсе (на примере англоязычной прозы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2022. 20 с.

Журавлев И.В. Выготский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2 (48). С. 130–143.

Завьялова Т.А. Вербализация концепта ‘fear’ в авторской языковой картине мира // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 33–42.

Карасик В.И. Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 104–114.

Карданова-Бирюкова К.С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2021. 46 с.

Копченко О.С. Обоснованные приемы использования ненормативной лексики в отечественном кинематографе // Язык. Речь. Культура: материалы XII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности. 2017. С. 53–60.

Копылова Т.Р. Молчание как лингвокогнитивная категория: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2022. 36 с.

Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2013. 25 с.

Короткова М.О. Эмоция как доминанта концепта (на примере романа Анны Гавальда «Je l'aimais» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. № 4. 2017. С. 91–96.

Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. № 3. Т. 12. 2021. С. 823–847.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

Мощенко И.А. Трансформация традиционных концептов в творчестве Чжан Айлин (1920–1995): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2021. 31 с.

Пищальникова В.А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 1 (134). 2019. С. 143–148.

Пищальникова В.А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. № 10 (1). 2020. С. 17–29.

Русинова Л.В. Концепт любовь в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2012. 29 с.

Саакян Л.Н., Северская О.И. Вежливость изысканная, деланая и патологическая в свете стратегий эвфемии и дисфемии // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей. М., 2019. С. 49–55.

Степыкин Н.И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2021. 51 с.

Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2009. 45 с.

Тарасов Е.Ф., Головина Л.В. Понимание речевых сообщений и принцип дополнительности // Организационная лингвистика. 2019. № 2 (6). С.9-23.

Тогоева С.И. Пространственно-временные ориентиры: новизна слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 52–63.

Третьякова Т.П. Некоторые современные тенденции лингвистического анализа категории вежливости // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей. СПб., 2021. С. 24–32.

Усолицева Ю.О. К вопросу о допустимости обценной лексики в произведении искусства // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов: в 10 частях. Ч. 9. 2017. С. 151–154.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале англ. языка): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1988. 402 с.

Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 64–69.

Bustillos M. Curses! The birth of the bleep and modern American censorship // The Verge. 2013 [Электронный ресурс] URL: <https://www.theverge.com/2013/8/27/4545388/curses-the-birth-of-the-bleep-and-modern-american-censorship> (дата обращения: 18.03.2022).

Walker M. The Lexicon of Comicana. Port Chester, N.Y.: Museum of Cartoon Art, 1980. 108 p.

Источники примеров

Амаду Ж. Генералы песчаных карьеров. М.: АСТ, 2014. 320 с.

Воннегут К. Мать Тьма. М.: АСТ, 2010. 224 с.

Каннингем М. Дом на краю света. М.: Иллюминатор, 2008. 496 с.

Морейра Р. Не теряя времени. Книжник. М.: АСТ, 2010. 320 с.

Нилин П. Ближайший родственник. М.: Арго 2009. 102 с.

Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Текст, 2021. 512 с.

Рой К. Бог мелочей. М.: Амфора. 2004. 415 с.

Фонкинос Д. Нежность. М.: Corpus, 2012. 320 с.